

«Я МОЛОДА, Я ЖИВУ, Я ЛЮБЛЮ...»:
ТРАГЕДИЯ ТАТЬЯНЫ РОЗЕНТАЛЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы достаточно глубоко, детально изучены биографии многих российских психоаналитиков: Ивана Ермакова¹ и Николая Осипова², Якова Когана³ и Абрама Халецкого⁴, Моисея Вульфа⁵, Сабиньи Шпильрейн⁶ и других. Татьяна Розенталь, несмотря на известность в кругах отечественных и зарубежных историков психоаналитического движения, остается фигурой малоисследованной, загадочной, окруженной ореолом таинственности, даже мистицизма. С чем это связано? И с противоречивостью скудных сведений о ее жизни, ярко контрастирующих с той исключительной ролью в петербургском психоанализе, что отводилась ей биографами, и, конечно же, с драматичным финалом жизни героини моего повествования. Ускользящая от взора исследователей, история Татьяны Розенталь оставляет больше вопросов, чем ответов — и в этом главная причина неизменного интереса к ее персоне со стороны русских и иностранных специалистов.

Из одной публикации в другую переходят одни и те же факты о Розенталь. Она известна прежде всего как автор статьи «Опасный возраст» Карин Михаэлис в свете психоанализа» и еще более — как творец незавершенного психоаналитического очерка о Достоевском, идеями которого пользовался Фрейд при подготовке своей работы о русском классике. Очевидно, что эти

представления совершенно недостаточны. Поскольку оригинальные источники (не только архивные, но и опубликованные) не были выявлены, исследователи вновь и вновь опирались на немногочисленные биографические и библиографические данные. В ряде отечественных и зарубежных публикаций приводится лишь самая общая информация о Татьяне, почерпнутая преимущественно из некролога Сары Найдич⁷. Кроме того, имеющиеся работы содержат многочисленные неточности и упущения. Так, в статье А. Анжелини утверждается, что Татьяна в раннем возрасте «эмигрировала в Цюрих», а в Россию вернулась после революции⁸. В. Полояз ошиблась в годе смерти Розенталь⁹. В.М. Лейбин неверно указывает год окончания Татьяной Цюрихского университета¹⁰, а В.И. Овчаренко также ошибается и в дате ее возвращения в Петербург¹¹. Эти примеры — их можно было бы продолжить — я привел лишь для того, чтобы стал очевиден масштаб «белых пятен» в истории жизни главного действующего лица этой книги.

Незнание нередко порождает легенды. Начало мифологизации фигуры Розенталь положила ее коллега и биограф Найдич. Не умаляя заслуг Татьяны, все же следует критически отнестись к заявлению, согласно которому психоанализ в Петербурге-Петрограде укоренился именно благодаря ей¹². Не вполне соответствует действительности и то, что она являлась «единственным активным психоаналитиком» в городе¹³. И до, и в период деятельности Розенталь, а также и после ее смерти в Петербурге трудились и другие психоаналитически ориентированные психиатры и психотерапевты¹⁴. Современные авторы вторят Найдич. С. Майер утверждает, что «Розенталь ввела психоанализ в Россию»¹⁵, И. Лелли и М. Заламбани высказываются в том же ключе: «Она была одним из пионеров психоанализа в России, и именно ей эта наука обязана своим распространением в Петербурге, где Розенталь стала первым врачом, практикующим психоанализ»¹⁶. Однако первым петербургским психоаналитиком был, по-видимому, А.А. Певницкий, с 1906 года использовавший метод Фрейда в терапии неврозов и опубликовавший еще в 1909–1911 годах серию работ, посвященных клиническим аспектам психоанализа¹⁷. Так или иначе, обрастание образа Розенталь всевозможными до-

гадками и вымыслами есть очевидное следствие недостаточности точных знаний о ее жизни и смерти.

Вот почему своими задачами я ставил поиск неизвестных архивных источников и затерянных в толще времени трудов Татьяны Розенталь, а вслед за этим — максимально объективную реконструкцию истории ее жизни. Стремление избегать предположений и как можно реже использовать допущения предопределило строгую документальность моей книги. «Кажется все же, что мы еще разгадаем загадки Татьяны Розенталь»¹⁸, — пишет Александр Эткинд. Насколько я приблизился к разгадкам, предлагаю судить читателю.